

УДК 316.773.2:81/22

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА ТЕКСТА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Т.В. Конюхова, Е.В. Арляпова

Томский политехнический университет
E-mail: konykhova@sibmail.com; eva@tpu.ru

Рассматривается информационно-коммуникативная природа текста, трансляция его смысла в дискурсе. Анализируются подходы к трактовке дискурса различными школами и направлениями. Показана сущность автокоммуникации и коммуникации с «Другим», которая влияет на распредмечивание смысла текста и приращение знания. Раскрываются функции текста по Ю.М. Лотману.

Ключевые слова:

Текст, прочтение, смысл, коммуникация, автокоммуникация, дискурс, семиосфера.

Key words:

Text, reading, sense, meaning, communication, auto communication, discourse, semiosphere.

Философско-семиотические исследования показывают, что весь мир мыслится как один «открытый текст» [1. С. 56], который представляет собой совокупность «унаследованных текстов» [2. С. 8] той или иной культуры или реальности. Безусловным является тот факт, что бытие любого текста, как семиотико-философской категории, определяется наличием в нем смысла, целостной и логически законченной по содержанию информации, которую адресат может интерпретировать, постигать.

Любая информация по определению не может передаваться, приниматься и храниться в чистом виде, следовательно, ей необходима некая «оболочка», которой и является текст. Последний предназначен для фиксирования и трансляции знания или сведений по каналам связи в передающей среде. Любая информация находится в постоянном движении, так как непрерывно передается от адресанта к адресату как во времени, так и пространстве. Такая трансляция реализуется непосредственно в дискурсе, то есть механизме, запускающем прочтение текста и распредмечивание его смысла(ов). Литовский философ Р. Павилёнис в работах по проблеме смысла писал, что смысл представляет собой непрерывный континуум, а осмысливание — это интерпретация в индивидуальной концептуальной системе [3. С. 240]. Поэтому прочтение — это понимание или перепонимание того, что было уже кем-то понято, это «обнаружение смысла текста в процессе его интерпретации, реконструирующей изначальный его замысел» [4. С. 103], приближение понимаемого текста к адресату [5. С. 124] и, как результат, приращение знания. В русле дискурсивных практик текст мыслится как дискурсивное единство с многосмысловой структурой, способной порождать все новые и новые смыслы при его прочтении каждым новым адресатом в новом контексте. Таким образом, функционирование текста в семиотическом пространстве нереализуемо без его прочтения и осмысления адресатом.

В современной науке дискурс имеет неоднозначную трактовку. Традиционно дискурс понимался как упорядоченное речевое сообщение отдель-

ного субъекта. Однако сегодня можно выделить несколько подходов к его определению. Неопозитивисты понимают под дискурсом данность текста и стоящую за ней систему языка [6]. В структуралистской парадигме Р. Барт рассматривает его как конечный отрезок речи, единый с точки зрения содержания и передаваемый с вторичными коммуникативными целями [7. С. 443–444]. М. Фуко мыслит дискурс как социально обусловленную организацию системы речи и действия [8]. Дискурс — это речь, обладающая конкретным объектом и правилами его описания, это коммуникативная практика, в которой вычитываются скрытые значения, подразумеваемые, но остающиеся невысказанными, невыраженными, притаившимися за фасадом «уже сказанного». А.-Ж. Греймас и Ж. Курте рассматривают категории «дискурс» и «текст» как синонимы и исследуют их как объекты дискурсивной лингвистики [9. С. 488]. Ю. Хабермас разрабатывает собственную концепцию дискурса как особой формы речевой коммуникации, где последний представляется как социальный процесс, в который включен текст и который реализуется в коммуникативном пространстве этого текста. Ю.М. Лотман придерживается концепции дискурса как любого языка, обладающего текстами на нем [10].

В отечественной аналитике дискурса можно выделить два авторитетных направления: московское и волгоградское. Волгоградское направление аналитики дискурса рассматривает его как речь, погруженную в социальный контекст, в жизнь. Именно поэтому понятие «дискурс» крайне редко употребляется по отношению к архаическим текстам. Представители волгоградской школы совмещают в определении дискурса социолингвистические позиции анализа с лингвистикой текста, поэтому возможно назвать их дискурсивный анализ «лингво-социальным» [11. С. 9].

Московская школа придерживается определения дискурса в парадигме голландского лингвиста Т.А. Ван Дейка: дискурс — это коммуникативный акт или коммуникативное событие, которое существует в единстве языковой формы, значения и

действия [12, 13. С. 24]. В отличие от диалога дискурс как коммуникативное взаимодействие в речевой коммуникации предполагает дальнейшие действия и взаимодействия индивидов в коммуникативной среде.

Таким образом, текст строится на основе языка, наполняется в соответствии с замыслом автора смыслом и транслируется в дискурсе от адресанта к адресату с целью представления новой информации и приращения знания. Язык, в свою очередь, представляет собой сумму знаков, складывающихся в смысловые единства и затем образующих текст. Поэтому текст — упорядоченное множество знаков, которое служит средством человеческого общения, мышления и выражения чувств. Оно подчинено единству замысла автора и поэтому обладает глубинным смыслом. Поскольку текст строится на основе языка, он является коммуникативным феноменом, благодаря и посредством которого реализуется коммуникативный процесс.

В настоящее время существуют два подхода к рассмотрению коммуникации: механистический, рассматривающий коммуникацию как однонаправленный процесс кодирования и передачи текстов между участниками коммуникативного акта, и деятельностный, представляющий коммуникацию как общение, совместную деятельность или обмен текстами. Коммуникативные процессы по приему-передаче текстов и их последующему прочтению реализуются в коммуникативных направлениях от «Я» к «Он» (коммуникация с Другим) и от «Я» к «Я» (автокоммуникация).

Суть первого заключается в трансляции некоторой заданной информации в текстовой оболочке различным адресатам от субъекта передачи к объекту. Второй способ коммуникации совмещает в одном лице адресанта и адресата, следовательно, в коммуникативном акте фиксируется не получение новой информации, а возрастание её объекта в результате трансформации и переформулировки в новом контексте [1. С. 16–17]. Таким образом, первый способ коммуникации наиболее привычный для трансляции информации, так как он предполагает получение некоторой новой информации адресатом. Он динамичен и дает возможность практически безграничного увеличения числа текстов в активе адресата [14. С. 177], другой способ является принципиально иным, поскольку повторная передача уже известного текста и его прочтение в новой коммуникативной ситуации дает возможность адресату эксплицировать новые смыслы или глубже понять уже известные. Поэтому автокоммуникацию можно назвать скрытым диалогом с самим собой, в ходе которого текст не только повторно прочитывается и осмысливается, но и переживается как личностный опыт [1. С. 17], т. е. текст в данном случае выступает в роли кода, который при каждом новом прочтении адресатом трансформирует уже известные или распредмечивает новые смыслы, увеличивая тем самым смысловую нагрузку текста.

Механизм автокоммуникации запускается при введении текста в коммуникативное взаимодействие; введении добавочного кода; возникновении напряжения между добавочным кодом и кодом-текстом, обуславливающим появление тенденции истолкования элементов текста или всего текста как включенного в новую синтагматическую конструкцию. В автокоммуникации адресат приравнивается к третьему лицу, поэтому различие в передаче текстов в системе «Я — Он» отражается в перемещении информации в пространстве, а в системе «Я — Я» — во времени [15. С. 149–150]. Таким образом, вся система человеческих коммуникаций, по большому счету, реализуется в двух направлениях: в первом — текст, оставаясь константой, передается от одного адресата к другому, обладая при этом неизменным кодом в ходе всего акта коммуникации; во втором — адресат получает не новый текст, а применяет новые коды к уже известному тексту, которые позволяют по мере их введения по-новому прочитывать текст, трансформировать и переосмысливать последний, увеличивая объем информации (автокоммуникация).

Текст — это важнейший компонент реализации коммуникации, содержащий информацию, транслируемую с определенной целью. Следовательно, коммуникативное начало всегда присутствует в каждом тексте и сознательно или неосознанно провоцирует индивида вступать в коммуникативные взаимодействия на позиции адресанта или адресата, поэтому каждый текст, которым владеет человек, это результат предыдущих коммуникативных взаимодействий [16. С. 92] и коммуникативных событий [17. С. 4573; 18. С. 4579].

Наличие канала связи есть обязательное условие, потому что только в нем возможно движение смыслов текстов в некотором воплощении (знаки, сигналы). Современные каналы связи делятся на естественные и искусственные. Первыми искусственными коммуникативными каналами были иконические и символные тексты. Наиболее современными искусственными каналами являются Интернет и мобильная связь.

Текст может жить и функционировать в течение длительного времени, перешагивать временные границы жизни своего создателя и переходить из одного синхронического среза в другой. Прочтение текстов—«долгожителей», востребованных в различных контекстах, обуславливает возможность извлечения из них новых смыслов в каждой новой ситуации прочтения. Поэтому прочтение текстов, пронизывающих ряд диахронических срезов, неординарно. Оно определяется различиями картин мира, ценностей в каждом срезе и у каждого адресата. Поэтому из одного и того же текста могут быть извлечены различные социальные, познавательные, исторические и другие смыслы, которые были недоступны, скрыты или непонятны адресатам прошлых эпох, других контекстов. Чем старше становится текст, тем большей информативностью

он обладает, потому что он способен сохранять в памяти своего семиотического поля информацию обо всех прежних прочтениях. Этот факт позволяет адресату, обращаясь к тексту в данный момент времени и в данном контексте, получить максимально возможную информацию, увидеть различные грани и познакомиться с его разносторонним смысловым наполнением. Мы считаем, что смысл текста всецело определяется его контекстом.

Прочтение и понимание текста – творческий акт интерпретации. Адресату дается возможность эксплицировать не только смысл, заложенный автором, но и добавочные смыслы, образуемые в процессе комментариев, пояснений, интерпретаций этого же текста предшествующими адресатами. Поэтому процесс прочтения – это творческая процедура по нахождению смысла(ов) текста. При этом «тело» текста остается неизменным, что дает возможность следующим адресатам, прочитывая текст, находить в нем смыслы, соразмерные им и соответствующие их контексту. Текст признается и остается текстом только тогда, когда он прочитывается адресатом, когда его интерпретируют и находят в нем смысл, осуществляя понимание. Он всегда стремится быть услышанным, ищет ответного и более глубокого понимания, а не останавливается на ближайшем понимании.

Прочтение текста как понимание смысла является духовно-практической формой освоения действительности. Оно определяется ментально-филологической активностью адресата [19. С. 32, 20. С. 361]; степенью сложности текста [20. С. 361]; креативностью, потому что понимание есть «разумение по-своему» (А.А. Потебня); различной степенью и глубиной понимания (полное – неполное, адекватное – неадекватное) [21, 22. С. 76, 23. С. 10]; включением адресата в коммуникативные системы; культурно-историческим наследием; психологией индивида и т. д. Существенное влияние на степень глубины и адекватности понимания смысла текста оказывает близость текста адресату: чем ближе текст к интересам и потребностям реципиента, тем более схожи варианты понимания информации, заключенной в нем у адресанта и адресата [24. С. 102].

Наиболее сложной проблемой, с которой сталкивается адресат в процессе прочтения и распределения смысла текста, является декодирование текста, то есть перевода текста на язык, понятный адресату. Под кодом следует понимать язык, который представляет собой код плюс его историю [14. С. 15]. Правильный подбор кода является ключом к адекватному прочтению и пониманию текста. Несовпадение кода отправителя и получателя ведет к непониманию текста.

Текст обладает рядом функций, которые, по Ю.М. Лотману, называются коммуникативная, смыслообразующая, функция памяти. Коммуникативная функция текста «лежит на поверхности и легко схватывается простым методом анализа»,

приобретения, переработки, хранения и передачи информации [25. С. 144]. Текст здесь – пассивный носитель информации, посредник, главной задачей которого является донесение без потерь и изменений некоторого смысла, существующего в абстракции еще до текста. Поэтому текст здесь сопоставим с оболочкой, под которой скрывается самая суть, смысл.

Сущность данной функции текста можно выразить следующим образом: «целью всякой коммуникации является максимально точная передача некоторого смыслового инварианта ... всякая возникающая в процессе коммуникации трансформация смысла должна рассматриваться как искажение и утрата – результат несовершенства канала связи» [25. С. 163]. Поэтому в идеальной коммуникационной цепи смысл отправленного и полученного текстов будут идентичными в сознании адресанта и адресата.

Следующая функция семиотической системы, а соответственно и текста, – смыслообразующая. Здесь не язык первичен по отношению к тексту, а текст является первичным по отношению к языку. Это определяет текст не как пассивную упаковку имеющегося смысла, а как генератор смыслов [25. С. 144]. Данная функция наиболее значима, так как экспликация и создание новых смыслов является решающим для дальнейшего развития информационно-коммуникативного пространства. Творческое начало, присущее данной функции, является движущей силой механизма образования новых смыслов.

Третья функция текста связана с памятью. Текст является образованием, которое постоянно прочитывается и осмысливается различными адресатами в различных контекстах. Одной из особенностей текста является способность концентрировать в себе, «сохранять память о своих контекстах» [26. С. 173]. Слово зерно, хранящее всю информацию о растении, его породившем, текст, попадая в благоприятную среду, где его читают, стараясь понять и принять, открывает кладовые своей памяти и дает возможность увидеть, реконструировать скрытые или, казалось, уже утраченные смыслы. Память текста – это его смыслообразующий механизм, который при контакте с другими текстами активизируется, а это является источником генерирования новых смыслов.

Рассмотренные функции существуют не изолированно, они взаимообусловлены и могут реализовываться в рамках одного текста. Поэтому текст – это «мыслящая структура» (Ю.М. Лотман). Минимально работающим текстовым генератором является не изолированный текст, а текст в контексте, во взаимодействии с другими текстами: «Текст как генератор смысла, мыслящее устройство, для того чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст – в тексте»

[14. С. 151], другими словами текст должен быть погружен в семиосферу [25. С. 146]. Семиосфера – это пространство, включающее в себя существующие языки, тексты, создаваемые на них, коммуникативные отношения по приему-передаче информации.

Таким образом, функционирование текста в семиотическом пространстве, его востребованность

различными адресатами дает тексту возможность самообогащения новыми смыслами и расширения внутреннего содержания, делает текст многослойным, неоднородным и превращает его из «элементарного сообщения», транслируемого от адресанта к адресату, в сообщение, способное конденсировать информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб, 2002. – 768 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 1999. – 415 с.
3. Павлиненс Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
4. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Международная кафедра ЮНЕСКО по философии и этике Санкт-Петербургского науч. центра РАН; Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. – СПб.: Алетейя, 2001. – 411 с.
5. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989. – 288 с.
6. Язык и наука конца XX века: Сб. статей / РАН, Институт языкознания; Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Российский гуманитарный ун-т, 1995. – 432 с.
7. Новое в зарубежной лингвистике: Сб. статей: Переводы. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста / [Сост., общ. ред. и вступ. ст. Т.М. Николаевой]. – 479 с.
8. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визигина, Н.С. Автономовой. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
9. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка: Пер. с фр. // Семиотика: Пер. с англ., фр., исп.; [Сост., вступ. статья и общ. ред. Ю.С. Степанова]. – М.: Радуга, 1983. – С. 483–550.
10. Kintsch W. Discourse proceeding. – Amsterdam: North Holland Pub. Co; N.Y.: Sole distribution for the USA and Canada, Elsevier Science Pub. Co., 1982. – 614 p.
11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000. – 367 с.
12. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. и ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
13. Тюпа В.И. Аналитика художественного: Введение в литературоведческий анализ. – М.: Лабиринт: РГГУ, 2001. – 191 с.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера; Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров: Статьи, исследования, заметки. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
15. Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования / Отв. ред. Т.Н. Малюшина. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 144–154.
16. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
17. Beaugrande R. de. Text Linguistics // The Encyclopaedia of Language and Linguistics. R.E. Asher (ed.). – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – P. 4573–4578.
18. Togeby D. Text Pragmatics // The Encyclopaedia of Language and Linguistics. R.E. Asher (ed.). – Oxford, New York, Seoul, Tokyo: Pergamon Press, 1994. – P. 4578–4581.
19. Леонтьев А.А. Психоллингвистика. – Л.: Наука, 1967. – 118 с.
20. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. – 3-е изд. – М., 1965. – Ч. 2. – С. 361–373.
21. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами: (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1981. – № 1. – С. 36–47.
22. Жинкин Н.И. Грамматика и смысл: (Разбор случая семиотической афазии у ребенка) // Язык и человек: Сб. статей памяти профессора Петра Савича Кузнецова (1899–1968) / Под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М., 1970. – С. 63–85.
23. Тарасов Е.Ф. Роль эмоционально-эстетической организации речевого сообщения в массовой коммуникации // Эмоциональное воздействие массовой коммуникации: Педагогические проблемы: Материалы семинара, проведенного 18 октября 1977 г. в г. Москве. – М.: Наука, 1978. – С. 5–12.
24. Брудный А.А. Проблема языка и мышления – это прежде всего проблема понимания // Вопросы философии. – 1977. – № 6. – С. 101–103.
25. Лотман Ю.М. Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С. 142–147.
26. Леута О.Н. Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 165–173.

Поступила 12.04.2010 г.